

Вестник ТвГУ. Серия "ФИЛОСОФИЯ". 2017. № 2. С. 165–177

УДК 1(091)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ И ИСТОРИЯ В ФИЛОСОФИИ Р. РОРТИ¹

Б.Л. Губман, К.В. Ануфриева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается трактовка Р. Рорти проблемы истории в свете лингвистического поворота как характерной черты постклассической философии. Раскрывается стратегия синтеза аналитической философии и герменевтической установки, предложенная в рамках его версии неопрагматизма. Нарративизм Рорти рассматривается как общетеоретическая платформа, созвучная в целом исканиям представителей англо-американской аналитической философии истории.

Ключевые слова: лингвистический поворот, история, аналитическая философия, герменевтика, метафизика, нарративистский подход.

Ушедший из жизни десятилетие назад виднейший представитель американского неопрагматизма Р. Рорти (1931–2007) был теоретиком предложившим термин «лингвистический поворот» в философии и инициировавшим его обсуждение в концептуально-содержательном смысле. В его творчестве отчетливо обозначилось стремление создания философской платформы, позволяющей вести радикальную полемику с традицией классической метафизики в различных ее формах и проявлениях в свете поиска нового взгляда на мир, который призван зафиксировать, с одной стороны, значение языковых форм, а с другой - изначальную историчность человеческого существования, его «случайность» и неповторимость (см.: [3; 7; 8]). Такой разворот мысли Рорти по сути дела зафиксировал ситуацию складывающегося альянса между лингвистической платформой подхода к философским проблемам и новейшими формами историзма, утверждающими укорененность любых картин уникальной по своему характеру событийной реальности, сотканной в совместными практическими деяниями людей, в опыте индивидуально-личностного существования в потоке времени (см. [1]). Подобная «стыковка» двух важнейших тенденций развития постклассической мысли была достаточно четко отрефлексирована в произведениях американского философа, который по сути дела подытожил уже сложившуюся ситуацию, провоцировавшую со всей очевидностью диалог англо-американской лингвистической философии и европейской герменевтики. Тема лингвистического поворота и его связи с историей, поднятая в общемировоззренческом ключе Рорти, нашла отклик в произведениях представителей социально-гуманитарного знания, определив на многие годы русло теоретико-методологических дискуссий в филологии, лингвистике, истории и других дисциплинах (см.: [4, с. 44–55]). Именно поэтому обращение к его видению проблемы, ставшее сюжетом обсуждения в настоящей статье, и до сих пор не утратило значения не только в ракурсе историко-философского

---

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-33-00047.

анализа, но и с точки зрения выяснения перспектив методологической платформы развития всего комплекса социально-гуманитарного дисциплин.

Лингвистический поворот: поиски и результат

Тема лингвистического поворота, осуществлённого, прежде всего, благодаря идеям Л. Витгенштейна, связывается Рорти с широкой перспективой критического осмысления оснований европейской метафизики. Общеизвестно, что сам Рорти сложился как философ-профессионал первоначально под влиянием идей таких крупных представителей аналитической философии, как Н. Гудмен, У. Селларс, У. Куайн, Д. Дэвидсон и др. В 60-е годы минувшего столетия его внимание привлекает вопрос оснований и возможности философского знания, в свете которого он и размышляет о специфике лингвистического поворота, формах его осуществления и значимости для будущего философии. При этом Рорти пытается критически рассмотреть не только способ теоретизирования, присущий европейской классической философии, но и понять варианты и возможности англо-американской аналитической мысли, перспективы ее потенциальных контактов с европейской континентальной мыслью (см.: [2, с. 423]).

Прежде всего, Рорти задает вопрос о том, почему проблема языка, поднятая в ходе осуществления лингвистического поворота в философии, выходит на первый план в сочинениях тех авторов, которые стали его носителями.

В книге, носящей эмблематическое название «Лингвистический поворот», опубликованной в 1967 г. и ставшей прологом к проведенной им радикальной деконструкции достижений европейской мысли, он выражает уверенность в том, что лингвистическая философия «преуспела, заставив обороняться всю предшествующую философскую традицию от Парменида через Декарта и Юма к Брэдли и Уайтхеду» [13, р. 33]. Это произошло потому, что она оказалась эффективным средством анализа «работы» традиционной философии с языком, формулируя собственные проблемы. Разработка лингвистической философии в различных ее вариантах, по Рорти, показала, что сам акт суждения о мире мыслим лишь в форме выраженного в языке, наполненного смыслом дискурсивного сообщения, которое по сути не должно отсылать к какой-либо иной реальности, репрезентируя ее, а вполне самодостаточно. Дискурс, по Рорти, является самодостаточным носителем знания, которое вне его рамок непредставимо.

Возвращаясь уже в 2006 г., незадолго до своей кончины к теме лингвистического поворота, Рорти суммировал его значение следующим образом: «Первое, нельзя обнаружить интересного смыслового момента в том, что философские проблемы являются проблемами языка. Второе, тем не менее, лингвистический поворот был полезен, поскольку он переключил внимание философов с проблемы опыта на вопрос о лингвистическом поведении. Это изменение помогло сломать позиции эмпиризма – и, более широко, репрезентативистского подхода» [13, р. 3]. В финальной инстанции именно прочтение наследия Витгенштейна в ракурсе, который был предложен Куайном и Дэвидсоном, сделало возможным, по Рорти, видение языковой реальности как сопряженной с поведенческой реакцией, возникающей в контексте интерсубъективных коммуникационных в своей основе связей. Из этого следует, на его взгляд, возможность окончательного расставания с тезисом о том, что язык

репрезентирует реалии мира, существующего независимо от его дискурсивных образований. Прощание с положением о связи познавательных образов, данных в языке, с независимо существующими реалиями было для него эпистемологическим прологом к отказу от реализма во всех его формах и проявлениях. Радикальное принятие платформы прагматизма, на взгляд Рорти, должно именно так повлиять на освоение темы лингвистического поворота философии.

Проблема обнаружения универсального посредника между познаваемым и познающим, по мысли Рорти, приковывает внимание представителей западной мысли, уже с самого начала минувшего столетия. Особенно остро она первоначально ставится, как ему представляется, в границах феноменологии и зарождающейся аналитической философии. В первом случае речь идет об изначальности полагания феноменально данного, наделенного ноэматическим содержанием, тогда как во втором – о языке как финальном условии любых мыслительных образов.

Аналитическая философия, от идей которой Рорти изначально отправлялся в формировании собственного мировоззрения, выдвинула, на его взгляд, два основных сценария понимания языка как основания любых форм описания мира. Это – построение идеальной модели языка и обращение к интерпретации обыденного языка. Построение идеальной модели языка, способного создавать осмысленные и имеющие статус истинного знания утверждения о мире, по справедливому утверждению Рорти, может быть ассоциировано не только с поиском единого языка науки представителями Венского кружка, но и с исканиями таких теоретиков логического атомизма, как Б. Рассел, Д. Мур и Л. Витгенштейн. «В ранний период философии идеального языка программа, представленная Карнапом и Шликом, казалась продолжающей усилия Мура и Рассела – они обе выглядели предлагающими анализ предложений обыденного языка, который говорил нам, что мы действительно подразумеваем, когда используем эти предложения» [13, р. 18]. В обоих случаях, как известно, разработка идеального языка опиралась на истолкование взаимосвязи смысла и значения языкового знака, разработанное Г. Фреге и позволяющее фиксировать таковые применительно к отдельным высказываниям. Критерием истинности атомарных суждений в зависимости от их эмпирического или же логикоматематического характера выступали, соответственно, потенциальная верифицируемость и логическая непротиворечивость. Идеальные модели языка, притязавшие на порождение корректного, истинного знания, представляются Рорти весьма далекими от реалий межчеловеческой коммуникации. Они продуцируют идеальные языковые миры, которые похожи на системы классической западной метафизики, критикуемые логическим атомизмом и логическим позитивизмом.

Совершенно иной подход был предложен поздним Витгенштейном в его теории языковых игр, в границах которой значение слова оказывалось связанным с его употреблением в языке. Сообразно с этим подходом, не может быть и речи о некотором заданном денотате с которым может быть ассоциировано значение слова. Значение становится тождественным смыслу и проецируется словом-знаком на предполагаемую реальность. Оно, в подобной трактовке, рождает те реалии, о которых повествует автор сообщения. Картичность языка, о которой, любил говорить Витгенштейн, оказывается продуктом

коммуникации, в свою очередь, немислимой вне intersubъективных отношений. Коммуникативная связь продуцирует новые контексты порождения дискурса и, соответственно, расширение поля возможных значений знака. В ее существовании заложена возможность понимания языка как порождения сингулярно-исторической ситуации.

Именно Витгенштейн, на взгляд Рорти, всем корпусом своих идей позволил снять проблему репрезентации реалий внеположенных дискурсу. Правда, как отмечает он в своих многочисленных публикациях, посвященных переосмыслению витгенштейнианских идей в контексте неопрагматизма, отношение к наследию этого автора в современной мысли неоднозначно и может быть систематизировано по следующим векторам.

Первую группу исследователей, которая не видит никакой ценности в работах Витгенштейна, да и самом лингвистическом повороте, Рорти именует «натуралистами» [14, р. 160]. «Натуралисты», чьи идеи интерпретируются Рорти на примере сочинений Ф. Петти и Т. Вильямсона, полагают основной темой философии совпадение «данных образов», которые возникают в итоге спонтанных практик повседневности, с «образами науки». Для них свойственна реалистическая эпистемологическая установка. Рорти считает, что сама постановка «натуралистами» философских проблем такого рода позволяет считать их «реакционерами», ибо они пытаются сделать центральной ту проблематику, которую Витгенштейн предлагал просто снять с повестки дня. Ко второй группе исследователей относятся позитивно оценивающие корпус наследия Витгенштейна, но считающие, что он не предложил последовательной теории языка и может быть понят только как «терапевт», стремившийся лишь снять неверные, прецедентно фиксируемые, ошибки его употребления. Этих авторов Рорти называет «витгенштейнианскими терапевтами». И, наконец, третью группу исследователей, к которой причисляет себя и сам Рорти, составляют «прагматистские витгенштейнианцы». «Прагматистские витгенштейнианцы, – пишет он, – полагают, что значение их героя состоит в замене плохой теории относительно связи языка и неязыка, такой, какая представлена в “Трактате”, лучшей теорией, предложенной в “Философских исследованиях”» [15, р. 5]. Таким образом, Рорти считает, что современный вариант прагматизма должен принять в качестве надежной перспективы именно ту, которая задана философией обыденного языка Витгенштейна и сформулирована на страницах «Философских исследований».

Как «натуралисты», так и «витгенштейнианские терапевты», на взгляд Рорти, придерживаются двух принципиально ложных тезисов: а. язык является посредником познания лишь потому, что связан в определенном смысле с внеязыковыми реалиями; б. научный образ, говоря о подлинно реальном, свидетельствует о тех вневитгенштейнианских скрепах, которые доступны. Эта «экстерналистская» перспектива, притязаящая на прикрепление в мысли языковых форм к внеположенным им реалиям полностью неприемлема для «прагматистского витгенштейнианца», каковым считает себя Рорти. Труды Куайна и Дэвидсона представляются ему доказывающими возможность полностью отбросить мысль о том, что в языке репрезентируются некие экстралингвистические реалии.

В конечном счете лингвистический поворот оказывается в сочинениях Рорти тем пунктом, который ознаменовал осознание кризиса метафизического теоретизирования и связанных с ним умозрительных конструкций реальности

в границах европейской постклассической философии. В рортианской терминологии он ставит финальную точку в понимании философии как выражения в наивысшей степени способности человека быть «зеркалом природы», которое разделяется представителями европейской классики от Античности до Нового времени. Бэконовские рассуждения о человеческом уме как колдовском зеркале, осаждаемом обманчивыми видениями – разнообразными «призраками», представляются Рорти вполне схожими, например, с пониманием деятельности разумной души схоластами. «Этот причудливый образ XVII века выражает разделение, которое чувствовалось задолго до возникновения Новой Науки, декартовского разделения мысли и протяженной субстанции, до занавеса идей и “современной философии”» [6, с. 32]. Понимание философии как торжества этой «зеркальной» способности человеческих существ рисуется Рорти преамбулой трактовки эпистемологии в качестве дисциплины, в чью компетенцию входит обнаружение универсально значимой стратегии познания, обеспечивающей триумф объективной истины. Постклассическая философия и осуществленный в ее формате лингвистический поворот наносят удар по такого рода устремлениям.

Размышляя о значении лингвистического поворота в философии через четверть столетия после опубликования первого издания его книги, посвященной этому феномену, Рорти акцентировал, что оно состояло отнюдь не в метафилософской рефлексии, а в том, что произошло смещение с проблематики опыта как средства репрезентации к вопросу о языке как выполняющем эту функцию. Такое смещение имело, как он полагает, своим основным вектором прогрессивный отказ от трактовки познания на базе представлений о репрезентации. «Попытка Дьюи отказаться от проблематики реализма и идеализма вовлекла его в туманную и сомнительную попытку узреть “опыт” и “природу” как два описания тождественных явлений и привела к идее, что “опыт становится истинным”. Но философы, подобные Дэвидсону, которые говорят о предложениях вместо опыта, живут гораздо проще. Термин “опыт” в использовании таких философов, как Кант и Дьюи, содержал, подобно термину “идея” Локка, двойственность “чувственного впечатления” и “веры”. Термин «предложение», использованный философами в традиции Фреге, отмечен отсутствием этой двойственности. Как только философия языка была освобождена от того, что Куайн и Дэвидсон называют “догмами эмпиризма”, с которыми Рассел, Карнап и Айер (но не Фреге) связывали их, предложения более не мыслились ни как выражения опыта, ни как репрезентации экстралингвистической реальности. Скорее, они были осмыслены как последовательности меток или шумов, используемых людьми в развитии и устремленности социальных практик – практик, которые дают возможность людям достигнуть их целей, целей, которые не включают “репрезентации реальности самой по себе”» [13, р. 373]. Усматривая в качестве главного итога лингвистического поворота дискредитацию идеи репрезентативного характера познавательных образов и, как следствие, реалистической установки, Рорти одновременно утверждает обусловленность дискурсивных феноменов коррелятивными им социальными практиками.

Витгенштейнианские идеи, получившие изначально в построениях Рорти серьезную подпитку тезисами прагматизма, требовали осмысления влияния личностного фактора и осуществляемой в контексте практики коммуни-

кации на конституирование картины социокультурного мира в его не только синхронном, но и диахронно-временном измерении. Принятие Рорти концепции языковых игр и значения как употребления языковых знаков привело к постановке вопроса об источнике постоянной трансформации смыслового содержания дискурса, который анализировался в динамике его контекстуального порождения, что принципиально отлично от идеальных моделей языка логического атомизма или логического позитивизма. Утверждение Витгенштейном «картинности» языкового видения мира, складывающейся в контексте многообразия языковых игр стало прологом построений Куайна и Дэвидсона, воспринятых Рорти. В первую очередь им принимается критика Куайном «двух догм эмпиризма», его трактовка «онтологической отнесенности» мировидения, задаваемой различием целостных языковых систем, что нашло «выход» в развиваемой на этой базе интерпретации принципиальной неполноты перевода. Продолжая размышления Куайна, Дэвидсон рассмотрел процесс коммуникации и перевода как базирующийся на схематизме восприятия сообщений партнеров, коррелятивных языковым картинам, в которых они существуют. Рорти в своих рассуждениях о структуре дискурса также активно ассимилирует идеи Дэвидсона, именуя себя его последователем. Если же рассмотрение дискурса немыслимо вне отнесенности к коммуникации, предполагающей сопутствующей таковой целостные и изменчивые в их практической обусловленности языковые картины мира, то возникает вопрос об источнике исторической трансформации таковых. Так история логически появляется в поле рассмотрения проблематики лингвистического поворота. Одновременно возникает и вопрос о способе описания того, что случилось во временной динамике ее событий при помощи дискурсивных средств.

Сама логика рассмотрения лингвистического поворота диктовала Рорти критическое отношение к порожденным им средствам философского описания мира. Эта ситуация усугубилась вместе с появлением проблематики исторической трансформации способов мироописания. Если философия – не высший результат человеческой способности быть «зеркалом природы», то, очевидно, – она плод истории, да и сама природа видится исключительно сквозь горизонт таковой. Именно поэтому Рорти пришел к мысли, что платформа обновленного прагматизма, должна сочетать аналитическую стратегию, включая лингвистическую методологию, с широким спектром средств, заимствованных у европейской континентальной философии современности, включая антропологически ориентированные школы, например, экзистенциальную герменевтику.

Герменевтика и лингвистический поворот

Осознание сингулярности и неповторимости событий прошлого, вершащихся во времени и осознаваемых как значимые для постижения смысла нашего настоящего, составляет, по мысли Рорти, характерную черту современного исторического сознания. В отличие от классической метафизики, современная философия видится ему дискурсивно наделяющей прошлое смысловым содержанием во имя решения экзистенциальных проблем человека в его современной ситуации. Рассуждая о специфике аналитической философии в книге «Философия и зеркало природы», Рорти замечает, что она входит в

традиционную «картезианско-кантианскую структуру» в качестве попытки выхода за пределы истории во имя обнаружения условий ее возможных вариантов. «В этой перспективе, – размышляет далее он, – суть общего послания Витгенштейна, Дьюи и Хайдеггера оказывается историцистским. Каждый из этих трех мыслителей напоминает нам, что исследование оснований знания, или морали, или языка, или общества может быть просто апологетикой, попыткой увековечения некоторой конкретной во времени языковой игры, социальной практики или самоимиджа» [6, с. 7]. Очевидно, что, рассуждая о сути историцистского «послания» названных мыслителей, Рорти руководствуется задачей создания нового типа историцистской установки, противоположной субстанциалистским конструкциям гегельянско-марксистского историзма.

Историцистский дискурс нового типа, по изначальному замыслу Рорти, принципиально номиналистичен по своему посылу и призван служить критико-эмансипаторным целям, противоположным властной монополии и ориентированным на завоевание максимальных условий осуществления человеческой свободы. Выбирая в качестве носителя этого «послания» Витгенштейна периода «Философских исследований», Рорти руководствовался тем, что он показал истоки любых картин мира в иницилируемых людьми многообразных языковых играх, проложив тем самым дорогу к постпозитивистским концепциям. Дьюи близок ему стремлением обнаружить условия человеческой свободы и пафосом надежды [11, с. 72–89]. Герменевтическая установка Хайдеггера и опирающийся на нее генеалогический способ видения европейской истории видятся Рорти глубинным основанием критики традиции прошлого в свете настоящего [12, с. 27–49].

Понимание того, что любой тип дискурса – плод определенных исторических обстоятельств, обусловил стремление Рорти синтезировать герменевтическую установку с инструментарием аналитической философии уже при написании им «Философии и зеркала природы», содержащей глобальный генеалогический анализ европейской метафизики и причин ее кризиса. В контексте обоснования значимости герменевтической платформы в этом произведении Рорти поясняет возможность ее применения параллельно с эпистемологическими средствами изучения знания, сложившимися в формате аналитической философии. Задача оказывается отнюдь не простой как в плане логического обоснования подобного сочетания, так в перспективе противоречия между стилями теоретизирования аналитической и континентальной мысли.

Эпистемологическая позиция, разделяемая в границах классического философского подхода к познанию, предполагает поиск универсальных процедур, связанных с поиском истинного знания. Она, по Рорти, сопряжена с истолкованием познания на базе метафоры человека как «зеркала природы». Эпистемология по сути ищет нормативный взгляд на получение надежного знания и не предполагает ситуации выхода за рамки сложившегося стандарта рациональности. Именно так обстоит дело, по Рорти, в построениях европейских авторов от Платона до Канта. Он полагает, что лингвистический поворот в редакции Витгенштейна позволил внести момент историзма в наше понимание рациональных способов мироинтерпретации и стал прологом к постпозитивистской концепции Т. Куна, которая рассматривает революционные сдвиги в научном познании как смену парадигм – несоизмеримых нормативно-рациональных стандартов истолкования реальности и получения объективного

знания. Таким образом, – и здесь вполне можно согласиться с Рорти, – лингвистический поворот привел к пониманию возможности существования различных парадигм рационально-теоретического рассмотрения мира. Конечно же, такой сдвиг способствовал и изменению понимания самого характера эпистемологической рефлексии, которая, вопреки мнению Рорти, в состоянии уйти от ограниченности классического видения ее задач, соотносимого им с видением философии как «зеркала природы». Вполне возможно построение программы постклассической эпистемологии, которая опирается на рефлексивное осмысление познавательной деятельности как смены форм рациональности, возникающих в несхожих социокультурных контекстах. Такая «историзированная» эпистемология способна искать решение тех проблем, которые релевантны познавательному и социокультурному контексту современности, не впадая в пророческую тональность создания наукоучения верного на все времена.

Герменевтическая установка, которую впоследствии Рорти будет именовать также «нарративной», ориентирована на решение познавательной задачи, составляющей своеобразную альтернативу эпистемологии, ибо она связана с рассмотрением феноменов понимания и интерпретации исторической традиции в свете настоящего. Герменевтика как самостоятельное направление рождается в эпоху модерности и продолжающего ее современного фазиса в трудах Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера. И хотя установки герменевтической философии была изначально чужды платформе аналитического теоретизирования, появление внимания к истории в рядах ее сторонников, начиная с работ позднего Витгенштейна, привело Рорти к идее о необходимости сближения этих двух направлений в рамках лингвистического поворота. Ведь проблема языка как носителя исторической традиции также была в фокусе внимания основоположников герменевтики. Рассуждая таким образом, Рорти верно контурно намечает реалии сближения англо-американской философии истории и герменевтики, фиксируемые во второй половине XX – начале XXI в. и эмблематично представленные, например, фигурами А. Данто и П. Рикёра.

То, что воспринимается как аномальный дискурс при эпистемологическом подходе к нормативному истолкованию знания с позиций господствующей сегодня парадигмы, предстает в ином свете в герменевтической перспективе, намеченной Хайдеггером и Гадамером. «Результатом аномального дискурса может быть все, что угодно – от полной бессмыслицы до интеллектуальной революции, и никакая дисциплина не может описать этого дискурса, как нельзя описать непредсказуемое или “творческое”. Но герменевтика есть исследование аномального дискурса, с точки зрения некоторого нормального дискурса, – попытка придать некоторый смысл тому, что происходит на стадии, где все еще не уверены в нем в достаточной степени, чтобы описать его и тем самым начать эпистемологическое объяснение» [6, с. 237]. Герменевтический подход рисуется в этом контексте Рорти как поиск смысла творческих феноменов, выпадающих из кадра превалирующей рациональной парадигмы путем обращения к целостности культурной традиции. Он предполагает отношение к культуре как «разговору», в котором присутствуют различные основания, диалогу, а не монологически созидаемому на единой базе монолиту. Продуктивность герменевтической установки рисуется Рорти особенно релье-

ефно представленной при построении наррации о явлениях духовной культуры, и, прежде всего, истории философии.

Обоснование значимости синтеза герменевтической и аналитической платформ философствования получает новое развитие в книге Рорти «Случайность, ирония и солидарность», где выдвигается антропологическая и политико-философская аргументация в пользу такого мыслительного хода. В этой работе он еще более дистанцируется от классического системосозидающего стиля философствования и углубляет антиметафизическую позицию, заявляя в качестве основы собственного мировоззрения либеральный иронизм.

Уже сама по себе заявленная доминантная установка его концепции означает, что центральное звено его мысли – уважение уникальной неповторимости и свободы человека, невозможное без иронического дистанцирования от любых законченных системных продуктов философствования, которые чреваты в качестве доминирующих дискурсов мироописания перевоплощением в средство властного диктата. Иронизм, наследуемый Рорти от романтиков и Ф. Ницше, в лингвистическом ракурсе оказывается критикой любых попыток обрести универсальный словарь мироописания [5, с. 106]. Поэтому он содержит в себе «взрывной компонент» критической деконструкции» генеалогического свойства любых системных продуктов мысли. Вполне понятно, что, принимая такое истолкование иронизма, Рорти избирает в качестве философских союзников не только Ницше, но также М. Хайдеггера и Ж. Деррида. Либеральный ироник, каковым считает себя Рорти, опирается на допущение случайности всего происходящего в человеческом мире, принимая крайний номинализм и неклассический антисубстанциалистский историзм в качестве оснований собственного подхода к любым явлениям [5, с. 105]. Такая платформа теоретизирования оказывается несовместимой с построениями либералов «неиронического» свойства, подобных Ю. Хабермасу, которые прибегают, несмотря на антиметафизический пафос своих идей, к системно-рациональному философскому дискурсу (см.: [9]).

Либерально-ироническая рефлексия прежде всего результирует в плане обоснования герменевтической установки в утверждении случайности любых словарей языков мироописания. Эта новая характеристика более резко подает уже известный со времени публикации книги «Философии и зеркало природы» тезис о несоизмеримости различных рациональных описания реальности, хотя по-прежнему содержит апелляцию к куновским идеям. Констатация случайности появления несоизмеримых словарей фиксации феноменов реальности, правда, дается в «Случайности, иронии и солидарности» в более широком историко-культурном и политическом контексте. Примером радикальной смены словаря описания социальных отношений Рорти считает Французскую революцию, которая «почти в один день» заставила по-новому рассматривать жизнь общества. Наука, при всей её важности, рисуется лишь одним из возможных типов языковых игр, складывающихся в культуре человеческого сообщества.

Тема случайности языка вновь заставляет Рорти обратиться к идеям Дэвидсона, наиболее полно выявившего, на его взгляд, потенциал наследия Витгенштейна, показав, что язык и есть та единственная реальность, которая дана личности через intersубъективные связи с другими людьми. Он отнюдь не является неким посредником для выражения независимых от него человеческой самости и реальности мира самого по себе. «Представление Дэвидсона

о языковой коммуникации порывает с образом языка как третьего элемента между самостью и реальностью и с идеей, что различные языки являются барьером между людьми и культурами» [5, с. 36]. Одновременно язык предстал отнюдь не как «прозрачная» структура, известная его носителям, а в качестве некоей полностью никогда не осознаваемой целостности, проявляющейся процессуально при описании тех или иных мыслимых предметностей в конкретной ситуации. Наш мир, по заключению Рорти, является результатом констелляции многих случайных обстоятельств. Язык и культура рисуются ему в той же степени случайностью, «в какой являются возникновение, например, орхидей или антропоидов в результате тысяч небольших мутаций (и вымирания миллионов других созданий)» [5, с. 38]. Именно в этой перспективе можно рассматривать на платформе номинализма и радикального историзма, по Рорти, и все соцветие европейской науки и культуры XX столетия.

Рассуждая о случайности словарей описания мира, Рорти приходит к заключению не только о невозможности представить констелляции их взаимосвязи как подчиненные в истории некоему «телосу» – цели или имманентной необходимости. Более того, все языки описания мира, поскольку отбрасывается реалистическая установка и идея репрезентации существующих независимо от сознания предметностей, предстают как эквивалентные. Языки физики или биологии нельзя, в подобной интерпретации, считать более предпочтительными, нежели, например, язык литературной критики, ибо для Рорти они в финальной инстанции опираются на конвенциональные основания, диктующие представления об осмысленности и критериях истинности утверждений, возникающих в их границах. Одновременно такой подход предполагает постоянную открытость проблемы выбора языка описания. Обращаясь к ее рассмотрению в ницшеанско-дэвидсонском горизонте, Рорти обсуждает вопрос об источнике постоянного переописания мира.

Случайность появления субъекта в конкретной и не похожей на иные ситуации, разумеется, является исходным пунктом герменевтической рефлексии, ведущей к поиску новых смыслов миропонимания. Хайдеггер, как известно, в этой связи говорил о «заброшенности» человека в мир как изначальной данности, от которой следует отправляться философской рефлексии. По сути дела солидаризируясь с экзистенциальным тезисом, Рорти размышляет о человеческой случайности и конечности не в категориях «метафизики конечности», ибо это потребовало бы серьезного объяснения от такого решительного борца с любыми, пусть и минималистскими, метафизическими допущениями, а обращаясь к поэтической рефлексии Ф. Ларкина. Поэтический дискурс позволяет ему еще раз подчеркнуть свой разрыв с любыми универсалистскими конструкциями философского типа. Он хорошо осознает, что философские, даже постметафизические конструкции, не могут в силу самого способа теоретизирования окончательно уйти от соблазна универсализма. Рорти констатирует, что даже Витгенштейн и Хайдеггер были «универсалистами», защищая примат индивидуального и случайного [5, с. 50]. Так или иначе, констатация случайности человеческого «Я» означает, по Рорти, всегда уникальность любого личностного проекта и способа его самоописания, что фиксируется в языковой среде.

«Процесс самопознания, противопоставления собственной случайности, отслеживание собственных причин – тождественны процессу изобретения

нового языка, то есть придумыванию некоторых новых метафор», – констатирует Рорти [5, с. 51–52]. Использование стандартной языковой игры для описания уникального личностного «Я» неминуемо приносит неудачу, и поэтому Рорти соглашается с Ницше о важности обретения для реализации проекта самоописания нового языка. Ницше действительно верно осознал роль языка описания самости для творческой трансформации личностного «Я», которое в таком понимании не может быть выведено из заранее заданной схемы миропонимания. Но коль скоро возникает такая потребность новой языковой картины «Я», наполненной проективно-творческим смыслом, именно уникальность его явленности в пространстве и времени жизни заставляет по-новому взглянуть и на контекст мира, в котором обитает личность, ту культурно-историческую традицию, которая служит фоном ее формирования. Точка создания личностного самоописания становится также отправной для переописания мира обитания «Я», культурно-исторической традиции. Рорти верно полагает, что Ницше и Хайдеггер достаточно глубоко отрефлексировали это обстоятельство. Восхождение к новому видению самости «Я» и культурно-исторической традиции опирается на челночное движение от одного уровня понимания через рефлексивную интерпретацию наличного смысла к другому, наполненному ранее отсутствовавшими смысловыми гранями, а, следовательно, предполагает и постоянное стремление к переописанию, поиску нестандартного словаря для его осуществления. Именно феномен случайности личностного «Я» и его стремление к обретению самости, таким образом, оказываются продуктивным механизмом осуществления непрерывного процесса возникновения новых словарей и практики переописания мира, говорящей о важности слияния аналитической и герменевтической установок в границах рортианского видения вектора эволюции лингвистического поворота в современной философии.

Герменевтическая установка трактуется Рорти в духе ее реализации в генеалогическом анализе, предполагающем построение нарратива, описывающего историко-культурную традицию в перспективе ее понимания как конституирующей возможность осмысления современности. Переосмысление истории как сопряженной с современностью, генеалогически деконструируемой в горизонте чаяний субъекта ее осуществляющего ведется им на базе работ Ницше, Хайдеггера и Деррида. Он полагает возможным отождествить герменевтику и нарративизм, подчёркивая их особый статус в плане организации познавательной процедуры по отношению к системно-аналитической мысли, производящей операцию «отключения» диахронии существования различных типов рациональной организации культуры и науки (см.: [10]). Рассуждая таким образом, Рорти в общетеоретическом плане зафиксировал тенденцию трактовки нарратива как особого типа познания истории, отличного от рационально-теоретического освоения природной реальности, складывающуюся параллельно в европейской герменевтической философии и в англо-американской аналитической философии истории, между которыми сегодня устанавливаются достаточно интенсивные диалогические связи.

Рассматривая проблему лингвистического поворота в современной философии как порожденного кризисом классической западной метафизики, Р. Рорти не только раскрыл эволюцию видения проблемы языка и значимости лингвистической методологической стратегии в англо-американской аналити-

ческой мысли, но и показал возможные сценарии ее альянса с идеями философии жизни, герменевтики и постструктурализма, сложившимися на европейском континенте. Проведенная им критико-рефлексивная работа по осознанию истоков, основных характеристик и итогов лингвистического поворота, причин обращения его творцов к вопросу о культурно-историческом измерении языка стала прологом к созданию его собственной оригинальной неопрагматистской платформы видения взаимосвязи языковой реальности и истории. Синтезируя установки аналитической мысли с идеями герменевтики, Рорти пришел к идее интерсубъективного конструирования реальности в процессе коммуникации, случайности, уникальности и многообразия словарей описания мира, финальной укорененности постоянного переописания его реалий в свете экзистенциальной потребности личностного «Я» к поиску самоидентичности в нетривиальном дискурсивном формате, который задает последующее понимание и интерпретацию реалий культурно-исторической традиции. В его творчестве звучит тема самостоятельности нарративного способа герменевтической интерпретации истории, противоположного синхронии системного теоретизирования о естественно-природных феноменах. Наряду с иными подходами к философскому анализу языка и его связи с историей, предложенными Рорти, его видение этого вопроса находит значительное число единомышленников в рядах представителей англо-американской философии истории.

Список литературы

1. Губман Б.Л. Смысл истории. Очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. 192 с.
2. Губман Б.Л. Рорти Р. // Культурология. Энциклопедия. М.: РОСПЭН, 2007. С. 423–426.
3. Джохадзе И.Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М.: УРСС, 2001. 256 с.
4. Кукарцева М.А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопросы философии. 2006. № 6. С. 44–55.
5. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 279 с.
6. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд. Новосибирского университета, 1997. 297 с.
7. Рыбас А.Е. Культура как разговор и структура: статус аномальности в герменевтике Рорти // Материальная и духовная культура: специфика взаимодействия: сб. науч. ст. СПб.: СПбГУ, 2000. С. 18–24.
8. Юлина Н.С. Постмодернистский прагматизм Р. Рорти. Долгопрудный: Вестком, 1998. 100 с.
9. Gubman B. Cultural Dialogue and Human Solidarity: Rorty - Habermas Debate Revisited in the Light of Wittgenstein's Philosophy // Cultures. Conflict-Analysis-Dialogue. Frankfurt; Paris: Ontos Verlag, 2007. P. 59–66.

10. Rorty R. Analytic Philosophy and Narrative Philosophy. Draft of a Lecture. [Электронный ресурс] // url: <http://ucispace.lib.uci.edu/handle/10575/441>. 34 P.
11. Rorty R. Consequences of Pragmatism. Minnesota: University of Minnesota Press, 1992. 235 p.
12. Rorty R. Essays on Heidegger and Others. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 253 p.
13. Rorty R. The Linguistic Turn. Essays in Philosophical Method. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 407 p.
14. Rorty R. Philosophy as Cultural Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 206 p.
15. Rorty R. Wittgenstein and the Linguistic Turn // Cultures. Conflict-Analysis-Dialogue. Frankfurt; Paris: Ontos Verlag, 2007. P. 3–20.

THE LINGUISTIC TURN AND HISTORY IN R. RORTY'S PHILOSOPHY

B.L. Gubman, C.V. Anufrieva

Tver State University, Tver

The article is focused on R. Rorty's interpretation of history problem in the light of the linguistic turn as a characteristic trait of post-classical philosophy. His strategy of synthesis of analytic philosophy and hermeneutical approach offered within the framework of his neo-pragmatist doctrine is examined. Rorty's narrativism is considered as a general theoretical platform that sounds in accord with the mainstream ideas of the contemporary Anglo-American analytical philosophy of history.

Keywords: *linguistic turn, history, analytical philosophy, hermeneutics, metaphysics, narrative approach.*

Об авторах:

ГУБМАН Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: gubman@mail.ru

АНУФРИЕВА Карина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: carina-oops@mail.ru

Authors information:

GUBMAN Boris Lvovich – Ph.D., Prof., Chair of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University. E-mail: gubman@mail.ru

ANUFRIEVA Carina Victorovna – Ph.D., Assoc. Prof., Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University. E-mail: carina-oops@mail.ru